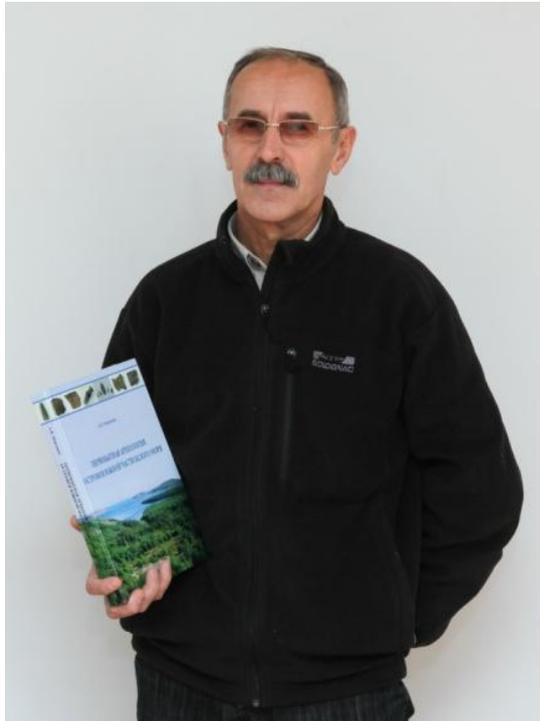

УДК 904(470.116)(045)

**Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья
(о древнем освоении беломорских островов
по археологическим данным)**

© **Мартынов** Александр Яковлевич, археолог, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ФГУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Автор 6 книг и 90 статей, посвящённых первобытной истории и культуре Севера. Контактный телефон: +7 911 573 00 45. E-mail: martinov@solovky.ru.

Статья посвящена истории освоения островов Белого моря (Соловки, Кузова, Жижгин, Мудьюг) в эпохи камня – железа (VI тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). На основе археологических источников и экспериментальных данных в ней содержатся ответы на вопросы о характере древних островных поселений, особенностях культуры их обитателей, культурных связях с материковыми культурами, древних морских

путях, происхождении и назначении каменных лабиринтов Беломорья.

Ключевые слова: Белое море, Соловки, острова, древнее поселение, раскопки, артефакты, керамика, каменные орудия, лабиринт, эксперимент, лодка.

The islands of the White Sea, from the Mesolithic to the Middle Ages (the ancient development of the White Sea islands on archaeological data)

© **Martynov** Alexandr, archaeologist, Ph.D. of history, Deputy Director for Science FGUK “Solovki State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve”. Author of 6 books and 90 articles devoted to prehistoric history and culture of the North. Contact Phone: +7 911 573 00 45. E-mail: martinov@solovky.ru.

Abstract

The article is devoted to the history of development of the White Sea Islands (Solovki, Kuzova, Zhizhgin, Mudyug) in the Stone Age – Iron (VI millennium BC. E. – I millennium AD. E.). On the basis of archaeological sources and experimental data it contains answers to questions about the nature of the ancient island of settlements, the culture of their inhabitants, cultural ties with continental cultures, ancient sea routes, origin and destination of stone labyrinths of the White Sea.

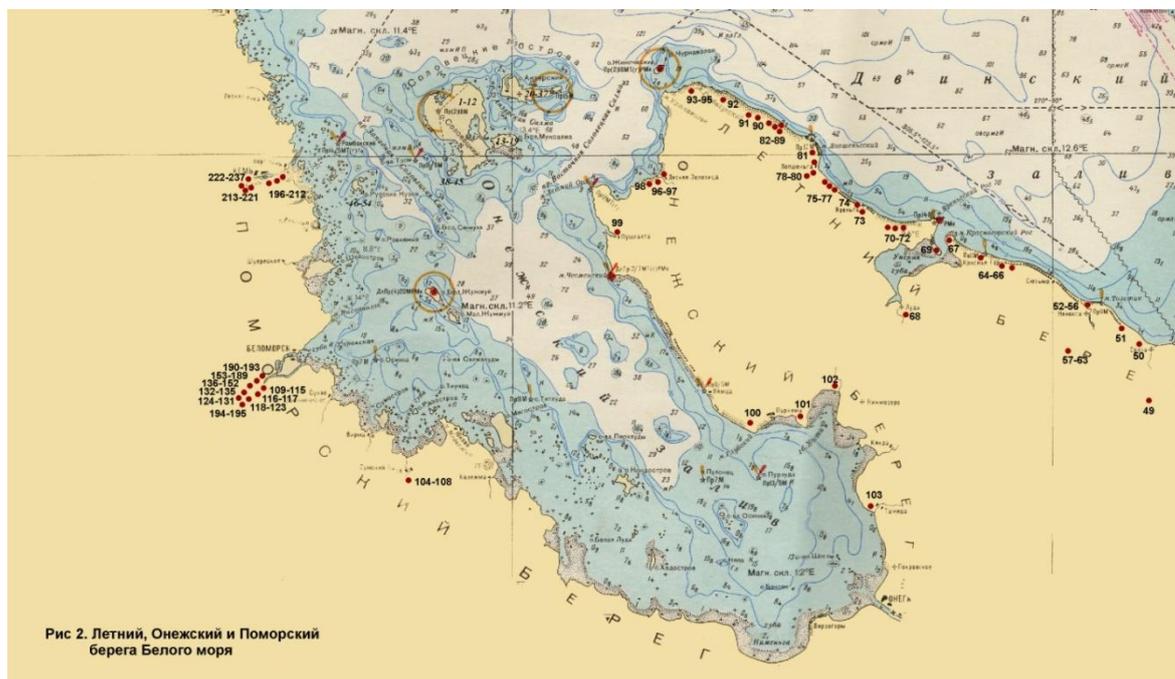
Keywords: White Sea, Solovki Islands, an ancient settlement, excavations, artifacts, pottery, stone tools, labyrinth, an experiment, a boat.

Краткая геолого-географическая характеристика

Белое море – одно из нескольких и самое малое море Северного Ледовитого океана. Его площадь – 90000 кв. км, длина береговой линии – около 2000 км. С северной стороны море ограничено южными – Терским и Кандалакшским – берегами Кольского полуострова, с западной омывает Карельский и Поморский берега (Республика Карелия), с южной – Онежский, Летний и Зимний берега (Архангельская область). Острова Белого моря сосредоточены в основном в западной половине водоёма. Крупнейшими из них являются Большой Соловецкий, Анзерский, Мягостров, Кондостров и Русский Кузов. Два из них объединяют вокруг себя острова крупнейших архипелагов Белого моря: Соловецкого и Кузовов.

Соловецкий архипелаг состоит из 6 крупных и 110 мелких островов, расположенных в западной части Белого моря при входе в Онежский залив. Наиболее короткое расстояние от основного острова архипелага – Соловецкого – до западного побережья «по прямой» составляет 35 км, от Анзерского острова до юго-восточного побережья – стрелки Онежского полуострова – 25 км. В археологическом отношении наибольший интерес представляют крупные острова: Большой Соловецкий (225,28 кв. км), Анзерский (48,51 кв. км), Большая Муксалма (19,91 кв. км), Большой и Малый Заяцкие (соответственно 1,38 и 1,24 кв. км). Общую площадь архипелага природоведы определяют в 295,23 кв. км (Шварцман, Болотов и др., 2007, с. 184).

Архипелаг Кузова (в переводе с саамского – «Еловые острова») расположен в 20 км к западу от Соловецкого архипелага и в 12–15 км к востоку от карельского побережья Белого моря. Отделенный от Кемских островов трёхкилометровым проливом, архипелаг состоит из двадцати островов, представляющих собой скальные купола, сложенные кристаллическими породами и выступающие из воды на высоту до 123 метров. На островах видны следы тектонической деятельности, скальные породы прерываются здесь заметными издалека распадками с таежной растительностью. У основания скал, как правило, есть удобные для проживания значительных человеческих коллективов площадки 8–10 и 16–20-метровой высоты над уровнем моря, соседствующие с источниками пресной воды – единичными, но довольно

большими родниками, а также множеством скальных впадин и углублений, которые наполняются летом дождевой водой. Площадь наиболее крупных островов Русского и Немецкого Кузовов равна приблизительно 7 и 1,5 кв. км. Прочие острова архипелага имеют гораздо меньшие размеры, их высота над уровнем моря колеблется от 15 до 65 м (рис. 1).

Начало геологической истории архипелагов, как и всего Беломорья, уходит в глубокую древность (позднеархейские времена), когда сформировалась толща беломорских гнейсов (Демидов, 2002, с. 10). Новейшая геологическая история беломорских островов весьма сложна. Говоря упрощённо, они сформированы четвертичными ледниковыми и водноледниковыми осадками последнего оледенения, перекрывающими древнюю цокольную платформу, образованную кристаллическими породами. По мере таяния ледникового покрова и уменьшения его площади происходило компенсационное поднятие островов, носившее прерывистый характер. Тогда же произошло формирование «лестниц» морских террас, превышающих в настоящее время уровень Белого моря на высоту от 5–10 до 20–23 м (Хеладзе, 1926; Колосова, Новиков, 1996, с. 134–135; Демидов, 2002, с. 10).

Исследование первобытных памятников беломорских островов (краткая справка)

Профессиональное археологическое изучение первобытного прошлого островов Белого моря осуществляется со второй половины 1920-х годов. В разные годы на Соловках работали археологи Н. Н. Виноградов (1926–1931), А. А. Куратов (1964–1981) и А. Я. Мартынов (с 1984 г. по наст. время).

Н. Н. Виноградовым впервые обследованы около 1000 каменных сложений (лабиринтов, насыпей, «символических» выкладок), опубликованы первая и единственная в XX в. книга, посвященная археологии Соловков (Виноградов, 1927), а также ряд научных и популярных статей. В них сформулированы основные проблемы, связанные с каменными лабиринтами, и предложены гипотезы о датировке, культурной принадлежности и назначении «вавилонов».

А. А. Куратов и основанная им Архангельская археологическая экспедиция осуществили повторное обследование уже открытых каменных выкладок, стационарно исследовали три каменные насыпи, открыли и частично раскопали две первые стоянки архипелага (эпоха бронзы) и таким образом впервые получили подлинные археологические источники. Исследователем опубликован ряд статей и монография (Куратов, 2008), посвящённых проблемам первобытной археологии Соловецкого архипелага.

А. Я. Мартынов и члены археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника открыли 58 первобытных стоянок, мастерских и местонахождений отходов каменной индустрии VI тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Ими раскопаны 25 стоянок и 20 каменных насыпей, получены более 30000 артефактов, открыты и исследованы памятники «домонастырского» Средневековья. Успешно осуществлён проект «Соловки – материк: древние морские пути. Реконструкция маршрутов и способов передвижения по Белому морю в древности и Средние века». Опубликовано три книги (Мартынов, 2002, 2006, 2010) и более 40 статей об истории освоения и культуре островов Белого моря в эпохи мезолита – Средневековья.

Первобытные стоянки архипелага Кузова были открыты и исследовались А. А. Куратовым (1989) и А. Я. Мартыновым (1990, 2002, 2004), а также карельскими археологами Н. В. Лобановой и И. С. Манюхиным (2002), А. М. Жульниковым (2007) и М. М. Шахновичем (2007). Стоянки о. Жижгин частично раскопаны автором статьи (1995, 1998), стоянки о. Мудьюг исследовались А. Я. Мартыновым (1984, 1995) и А. Е. Беличенко (1995, 1996).

Древнейшие стоянки беломорских островов

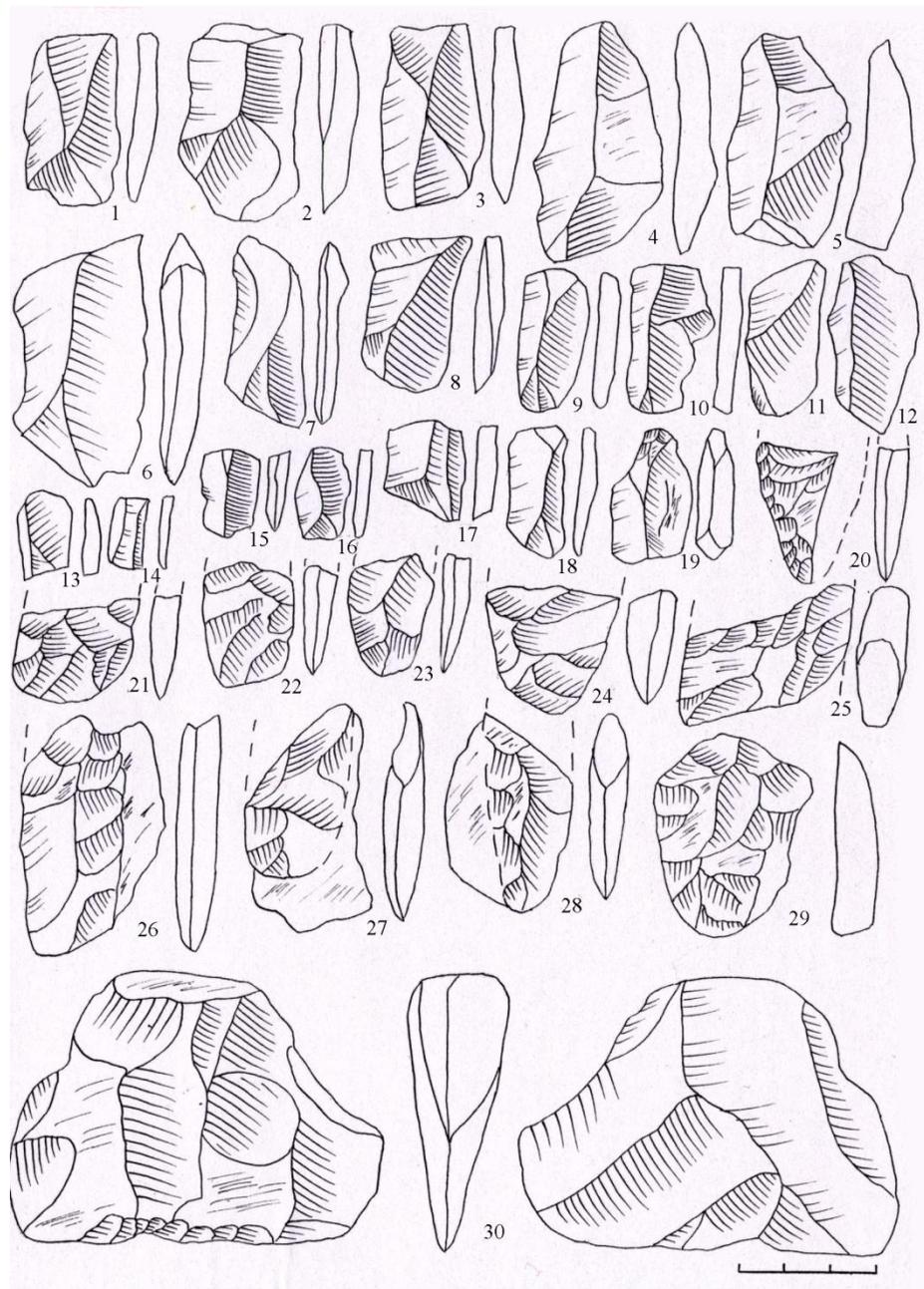
Начало истории древнего освоения беломорских островов уходит в эпоху позднего мезолита, в период с середины шестого до середины пятого тысячелетий до новой эры. Именно этим временем датируются остатки древнейших стоянок и мастерских, открытых Соловецкой археологической экспедицией на Соловках. И именно к этому времени относятся наиболее поздние стоянки мезолитической эпохи и наиболее древние (ранние) поселения Северной Карелии с керамикой (глиняной посудой), появление которой принято считать главным признаком следующего исторического периода – «новокаменного века», неолита. Впрочем, полной уверенности в том, что археологи не найдут более древние островные стоянки у нас, разумеется, нет.

Древнейшие островные поселения – это сезонные (летние) стоянки, которые располагаются поодаль от современных берегов Соловецкого и Анзерского островов, а также о. Большая Муксалма, на высоких (18–20 метров над уровнем моря) песчаных и песчано-каменных террасах вблизи озёр или болот (рис. 3).

Размеры площадок, которые занимали первооткрыватели островов, невелики (от 400 до 2500 кв. м). Толщина сформировавшегося при их участии культурного слоя (от 3 до 20 см) такова, что можно с некоторым основанием предполагать: их населяли небольшие (10–15 человек) группы людей, которые, скорее всего, многократно посещали места, выбранные ими для проживания. Об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты проб угля из кострищ нескольких стоянок и разновременная керамика стоянки-мастерской Муксалма-6.

В процессе раскопок этих сезонных поселений были собраны внушительные коллекции каменного инвентаря, среди которого нашлись и обломки охотничьего оружия (составных наконечников копий, наконечников дротиков и стрел), и бытовые орудия труда (топоры, скребки, фрагменты ножей, проколки, скобели, резцы, скрёбла), и промысловые изделия (рыболовные грузила) (рис. 4).

Не менее интересными оказались наблюдения за тем, как располагались находки на площадках стоянок. Преобладающая их часть была раскрыта в виде разных по величине скоплений, получивших у археологов название «место мастера». Чаще (например, на стоянках Соловецкая-4 и Малое Кумино) это довольно большие по площади, но единичные скопления, иногда (на Немецком Кузове-3) группа более мелких скоплений, расположенных в виде круга с валуном-«наковальней» возле одного из них. Как правило, археолог встречает в таких местах всё, что угодно, кроме целых изделий: расколотые камни, нуклеусы, крупные отщепы, приготовленные для дальнейшей обработки, сколы, чешуйки (мелкие и мельчайшие отщепы), а также заготовки различных изделий и фрагменты заготовок, сломавшихся в процессе изготовления. «Место мастера» – это действительно своеобразная минимастерская под открытым небом, в которой трудился тот, кто обладал достаточными способностями, физической силой и терпением, чтобы превращать аморфные сколы с кварцевого желвака в разные по форме, иногда

даже красивые, топоры, скребки, ножи. Эксперименты специалистов из Института археологии не оставляют сомнений в том, что сделать это было куда как не просто.

Другая категория находок – единичные артефакты, встречающиеся на всей площади поселений в разных горизонтах культурного слоя и на разном расстоянии друг от друга. Их присутствие можно объяснить несколькими причинами. Одни из них были отброшены мастерами, изготавливавшими инвентарь (отщепы, сколы), другие (орудия, пригодные к использованию) обронены владельцами изделий, третьи (фрагменты «сработанных» орудий) выкинуты за ненадобностью. Были и специально принесенные на стоянку «со стороны» предметы: подставки-«наковальни», грузила, якорные камни, крупные кварцевые желваки.

Расположение скоплений инвентаря и отдельных находок привело нас к выводу, что на некоторых стоянках их обитатели довольно отчётливо разделяли две «зоны»: производственную, которая примыкала к краям террас и нередко располагалась на камнях морены, и «жилую», отстоявшую от склонов на 10–15 метров и располагавшуюся на песке. Такое разделение понятно и объяснимо: на камнях легче раскалывать кварцевые желваки, на песке удобнее передвигаться, стоять, сидеть, разжигать огонь, устраиваться на ночлег...

Обязательным элементом древнейших стоянок являются кострища, или очаги, возле которых, надо полагать, первобытные «островитяне» проводили немало времени. Они различаются по размерам (диаметру, толщине зольно-угольного слоя, консистенции) и форме (овальные, круглые, аморфные), свидетельствуя о разной продолжительности жизни на том или ином поселении: совсем коротком на берегу озера Малое Кумино и весьма продолжительном на стоянке Соловецкая-15. Лабораторный анализ угля из кострища стоянки Соловецкая-4 (рис. 5) позволил установить дату одного из древнейших на сегодняшний день памятников археологии беломорских островов – 6460 ± 70 ВР (лет назад).

Ещё более впечатляет датировка угля из культурного слоя открытой в 2011 г. и ещё не раскопанной стоянки Соловецкая-21, установленная изотопной лабораторией РГПУ им. А. И. Герцена, – 7600 ± 70 ВР.

Судя по аналогам в каменном инвентаре (широколезвийные топоры, заготовки наконечников с боковой пластинкой, скребки, отбойники, нуклеусы), в сырье (кварц) и в наиболее ранних образцах керамики с ямочной орнаментацией с материалами стоянок Западного Прибеломорья, обитатели древнейших островных поселений приходили на Соловки с западного побережья Белого моря, точнее с низовьев рек Кемь и Выг.

Соловецкие острова в эпоху развитого и позднего неолита

Освоение беломорских островов было продолжено в IV–III тысячелетиях до н. э., но в этот период острова были уже другими. Строго говоря, они меняли свои очертания и размеры во все эпохи, но, судя по топографии стоянок Колгуевская-2, 3 и 4, Могильники, Муксалма-2, 5 и 9, наиболее заметные изменения произошли именно в развитом и позднем **неолите**. Определить это можно даже по расположению древних памятников. Если ранненеолитические стоянки Соловков и Кузовов отстоят от современной береговой черты на расстояния не менее 500 метров и располагаются на высоте не менее 18 м над уровнем моря, то поздне-неолитические находятся гораздо ближе к берегу (50–150 м), а их высота не превышает 14–15 метров.

Надо заметить, что наиболее ранние представители нового этапа освоения беломорских островов немногим отличались от своих предшественников. Они также приходили с западного – карельского – берега, изготавливали промысловый и бытовой инвентарь преимущественно из кварца и кварцита, но очень редко – из сланца и песчаника. Обживали песчаные площадки у озёр и болот, занимались теми же делами, что и их предшественники: охотились на морского зверя и перелётную птицу, ловили морскую и озёрную рыбу, собирали моллюсков, морскую капусту, съедобные растения прибрежных лугов, ягоды и грибы. Посуда, которую они привозили с материка и изготавливали на архипелаге, имела иную, гребенчато-ямочную, орнаментацию (рис. 6).

Вместе с тем, во второй половине IV тысячелетия до н. э. в истории северного мореплавания и освоения беломорских островов произошли существенные перемены. Заклучались они в том, что помимо западного (с карельского берега) появился юго-восточный «морской»

путь на Соловки с Южного Прибеломорья, с Онежского полуострова (современная Архангельская область).

Островные поселения этих людей разительно отличаются от всех предшествующих и последующих. Древние насельники Летнего берега осваивали дюнные впадины-котлованы Колгуевского мыса на Анзерском острове. Впадины представляют собой ямы в песчаной террасе глубиной до четырёх метров и площадью от 100 до 1500 кв. м. с довольно высокими стенками. В одной из них они обосновались, судя по внушительному культурному слою, на весьма продолжительное время (рис. 7).

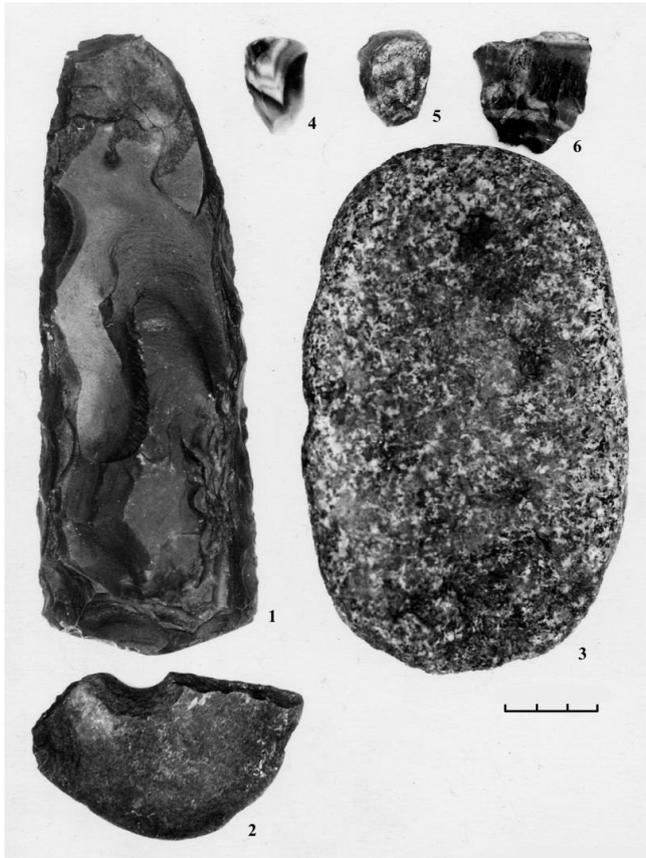

Полтора десятка других впадин использовали в качестве мест, где их мастера раскалывали кварцевые желваки, а из образовавшихся при первичном раскалывании отщепов изготавливали заготовки различных орудий: скребков, проколов, ножей наконечников стрел и дротиков.

Выбор дюнных углублений для проживания и камнеобрабатывающих «мастерских» был не случайным, как не случайно и то обстоятельство, что единственным поселением на побережье Онежского полуострова, в котором археологами ещё в первой половине XX века были найдены аналогичная «колгуевской» керамика и каменный инвентарь, оказалась стоянка в дюнной впадине на берегу речки Галдарей. По всей вероятности, именно обитатели поселения Галдарей-1 были первыми из «онежан», кто, начиная с этого времени и до начала новой эры, посещали время от времени Соловецкий архипелаг. Насельники стоянки Колгуевская-2 владели не только кварцевым инвентарём, хотя он и составлял более 90 % всех изделий, но также орудиями труда, сделанными из кремня, сланца, серого и красноцветного песчаника. Набор промыслового инвентаря этих людей был заметно шире, а сами изделия выполнены более тщательно, чем у их предшественников. Среди них есть разнообразные грузила (овальные с «перехватом» и круглые с отверстиями), скребки, шлифовальные плитки, охотничий топор, а также знакомые читателю ножи, скрёбла, проколки, свёрла, фрагменты наконечников стрел и дротиков, обломки рубящих орудий. Посуда, которой пользовались на

Колгуевской-2, представляла собой большие и маленькие сосуды полуяйцевидной формы, вылепленные из жёлтой, красной и серой глины и украшенные орнаментом из конических ямок, чередующихся с оттисками так называемой «гребёнки».

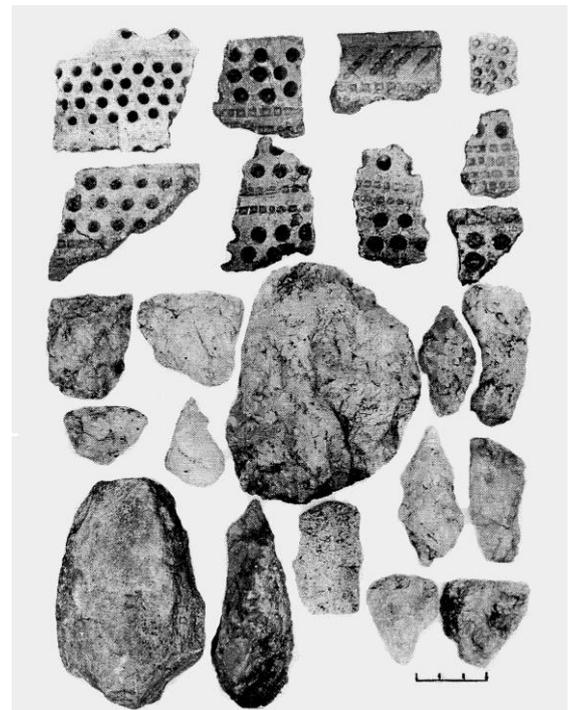
Судя по промысловым орудиям, обнаруженным на стоянке, её обитатели охотились на перелётную птицу, морского и островного зверя, ловили рыбу не только архаичными охотничьими способами (при помощи лука, стрел и дротиков), но и посредством сетей или других рыболовных снарядов, требующих использования грузил. Они привозили с собой орудия труда из кремня (рис. 8), которого нет на Соловках, и, возможно, часть найденных на стоянке глиняных сосудов.

Кремень доставляли исключительно в виде готовых изделий. На это недвусмысленно указывает полное отсутствие в культурном слое памятника отщепов, сколов и чешуек – отходов кремнёвой индустрии, всегда сопровождающих каменные орудия там, где осуществлялось первичное раскалывание кремня и изготовление инвентаря. Что касается керамики, то нельзя исключать, что некоторые сосуды были изготовлены на Соловках; во всяком случае, глину аналогичного цвета нам удалось обнаружить в разных местах архипелага. Судя по следам заглаживания на внутренней стороне сосудов, их изготавливали так называемым ленточным способом. Хорошо промятую и перемешанную с морским песком и растительными волокнами глину раскатывали в виде неширо-

ких лент, которые накладывали по спиральному принципу «снизу вверх», а затем руками и пучками травы заглаживали внутреннюю и внешнюю стенки сосуда. Нанеся орнамент на всю внешнюю поверхность «горшка», древние мастера обжигали его на костре (рис. 9).

Кварцевый инвентарь изготавливался в два этапа. Сначала древние мастера раскалывали кварцевые и сланцевые валуны или сбивали с них так называемую желвачную корку, чтобы проверить качество сырья, затем скалывали отщепы – основу дущих орудий. Осуществлялось это в «мастерских» – дюнных впадинах, расположенных поблизости от

поселения. Отщепы и сколы, которые годились для вторичной обработки, переносили на стоянку, и там сначала превращали их в заготовки орудий, а затем «доводили» (если удавалось) до готовых к употреблению изделий.

Особый интерес вызывает древнейший из найденных на беломорских поселениях якорный камень. Его нельзя назвать каменным якорем, поскольку в нем нет отверстий для линя и деревянных или костяных якорных «рогов», но форма предмета, следы обработки и, в особенности, искусственные углубления на противоположных гранях позволяют с полной уверенностью утверждать, что использовали его именно в этом качестве.

К IV–III тысячелетиям до н. э. относится ещё ряд стоянок, располагающихся на открытых песчаных террасах Анзерского (Колгуевские-3 и 4, Могильники), Б. Соловецкого (Соловецкие-3, 5, 15), Б. Муксалмского (Муксалма-2, 3, 5, 9) островов. На многократно посещавшейся площадке стоянки-мастерской Муксалма-6 в раскопе 2006 года (рис. 10) также было обнаружено несколько лепных сосудов и каменных орудий, датированных поздним неолитом.

Материалы этих поселений весьма существенно дополняют наши представления об островной культуре данного времени. Их обитатели лепили тонкостенные и толстостенные сосуды полуяйцевидной формы разных размеров. Их диаметр колеблется от 20 до 40 см, высота – от 30 до 45 см. Внешнюю поверхность лепных «горшков» первобытные мастера покрывали так называемой гребенчато-ямочной орнаментацией, в которой отиски гребенчатых штампов преобладали над количеством ямок. Вместе они составляли разнообразные и весьма оригинальные сочетания. Изготавливали они и совсем маленькие чашки диаметром не более 12 см и высотой – 6–8 см, украшая их рядами крошечных ямок и отисков мелкой

«гребёнки». Что касается каменного инвентаря, то помимо обычных бытовых и охотничьих орудий из кварца обитатели этих поселений использовали сланцевые грузила «с перехватом», шлифовальные плитки, отбойники, а также массивные подставки-«наковальни» из твёрдого песчаника, в которые упирали кварцевые желваки при скалывании с них отщепов. На стоянке Муксалма-6 был обнаружен сильно сточенный оселок с загадочными насечками на боковой грани изделия и двумя треугольными углублениями по бокам, за которые инструмент привязывали к поясу с помощью ремешка.

Соловки в эпоху раннего металла

В культуре материковых охотников и рыбаков, посещавших беломорские острова в эпоху раннего металла во II–I тысячелетиях до н. э., появилось несколько важных особенностей. Заметные изменения в материальной культуре островного населения прослеживаются уже во второй половине III тыс. до н. э. в материалах **энеолитических** стоянок, и связаны они, прежде всего, с заменой кварцевого сырья на более качественный и податливый для обработки **кремнь**. Если на более древних стоянках изделия и отходы кварцевой индустрии составляют 95–97 % всех предметов из камня, то в энеолите («медно-каменном веке») привозной кремнь «набирает» до 30 %. Орудия, изготовленные из кремня, гораздо прочнее кварцевых, форма наконечников, скребков и ножей приобретает устойчивость, они красивы и привлекательны. Кремнь доставляют на Соловки не только в виде готовых изделий, но и заготовками орудий, и в форме нуклеусов – обколотых со всех сторон кремнёвых желваков, с которых ещё можно скалывать отщепы. Об этом свидетельствует довольно большое количество отходов кремнёвой индустрии, найденных в культурном слое энеолитических стоянок Соловецкая-13 и Муксалма-8. Судя по аналогам в минерале известных месторождений Карелии и бассейна р. Северной Двины, кремнь стоянок этого времени доставлялся на острова с Онежского озера и из Орлецов. На поселениях энеолита появляются новые для Соловков предметы: массивная «разделочная доска», обнаруженная сломанной на три части, изящное тесло, изготовленное явно на материке, и совсем диковинная в островной археологии вещь – янтарная пуговица, аналогичная таким украшениям на энеолитических памятниках Северной Карелии. Появление её на данной территории коллеги связывают с существованием культурных связей первобытных жителей Карелии и Прибалтики. Посуда данного времени отличается от предшествующей формой и орнаментацией. Сосуды, найденные на стоянке

Соловецкая-13, меньше по размерам, по форме они приближаются к шаровидным, а в орнаментации почти полностью исчезли ямки (рис. 11).

Особенно заметные изменения прослеживаются в культуре островных поселений **Бронзового «века»**. Каменный инвентарь на этих стоянках на 90–93 % состоял из привозного (с Северной Карелии) кремня, а также сланца и песчаника. Местного минерала – кварца – в культурном слое стоянок практически нет. Набор изделий отличался от неолитического ещё более широким ассортиментом

и более совершенной обработкой. Среди обнаруженных археологами предметов есть не менее пяти типов наконечников стрел, дровиков и копий, шесть разновидностей скребков, три типа ножей, самые разные по форме и размерам проколки, скрёбла, скобели, топоры (рис. 12).

В отличие от неолитических поселений Колгуевское-2 и Муксалма-6 и 9 обитатели стоянок раннего металла Соловецкая-13, Муксалма-1, Капорская, Колгуевская-1, Немецкий Кузов-2 и Русский Кузов-1 изготавливали **шаровидные** сосуды средних размеров, которые украшали «гребенчатым» или «сетчатым» орнаментом. Ямки наносились на поверхность сосудов крайне редко, и они не играли существенной практической роли.

При всей нелюбви археологов к слову «уникальный» несколько предметов данного времени придётся зачислить в этот разряд. Один из них – шлифованный топор, аналогичный «сверлёным боевым топорам с пестиковым обухом», выделенным когда-то археологами А. Я. Брюсовым и М. П. Зиминной (1966, с. 27–28) из множества других рубящих орудий.

Соловецкая находка таких топоров оказалась семнадцатой на территории СССР и самой северной, свидетельствующей об очень далёких связях её древних обладателей с племенами, жившими на Верхней Волге. Особенности островного топора (размеры, изогнутая форма, отверстие для рукоятки диаметром 1,5 см) таковы, что использовать его как боевого и тем более как хозяйственного было невозможно. Поэтому нам оставалось сделать только один вывод – на Соловках данный топор носил функцию ритуального (рис. 13).

Кроме него археологам удалось обнаружить несколько кремнёвых фигурок, изображающих промысловое животное – тюленя, также чрезвычайно редкие находки на островах Белого моря.

Археологи связывают стоянки эпохи раннего металла с населением южного побережья Белого моря.

Древнее освоение беломорских островов в древности закончилось в эпоху раннего железа, в первой половине I тысячелетия новой эры.

Стоянки этого времени располагаются на низких морских террасах, а их инвентарь (невзрачные бытовые предметы и грубая плоскодонная посуда) свидетельствует об упадке каменного «производства» в связи с

постепенным «вхождением» в первобытную культуру Севера металла: меди, бронзы и железа. Поездки материковых жителей эпохи раннего железа, судя по малочисленности их стоянок, были редкими и, возможно, связанными с захоронением умерших соплеменников и посещением так называемых «святилищ» и лабиринтов Соловецкого архипелага, гораздо более известных читающей публике, нежели первобытные стоянки и «мастерские».

Основные занятия древних «островитян»

Чем занимались древние обитатели беломорских островов VI–I тысячелетий до новой эры? Что было предметом их ежедневных забот? От чего зависело благополучие древних островитян?

Добытые нашей экспедицией материалы свидетельствуют о том, что постоянной их заботой было изготовление каменного инвентаря, для которого они нашли на архипелаге несколько видов сырья: кварц и кварцит разного качества (от серого, пористого до прозрачного высококачественного), серый и красноватый песчаник и сланец. Из кварца делали основную часть промыслового и бытового инвентаря (наконечники стрел и копий, топоры, ножи, скребки, скрёбла, скобели, проколки), из песчаника и сланца – якорные камни, грузила и «наковальни».

Особая «песня» – древние «мастерские», открытые экспедицией на Соловках и Кузовах. Их всего три, но каждая настолько индивидуальна, что заслуживает отдельного описания и интерпретации.

Первую из них наша разведка 2002 года обнаружила на восточном берегу острова Б. Муксалма. Заметить её удалось благодаря большому кварцевому валуну, лежавшему посредине покатой террасы, состоявшей из нескольких каменных гряд. Один край валуна был обколот, а рядом с ним, под дёрном, виднелись полдесятка отщепов. В шурфе, заложенном рядом с валуном, на площади 1 кв. м, в десятисантиметровом культурном слое были обнаружены более 600 предметов. Среди них фрагменты заготовок изделий (скребков, проколки, наконечников), нуклеусы, сколы, отщепы, чешуйки. Площадка, на которой работал древний мастер, невелика – не больше 6 кв. м, а выбор этого места для такой «минимастерской» обусловлен двумя обстоятельствами: присутствием выше упомянутого валуна и характером террасы, на которой и сейчас можно найти немало кварца. Совершенно ясно и то, что в этом месте осуществлялась только первичное раскалывание кварцевого сырья и его обработка до заготовок, которые превращали в орудия уже на близлежащих стоянках «Муксалма-2, 5 и 6».

Вторая мастерская являла собой нечто прямо противоположное: на длинной и узкой террасе северного берега Соловецкого острова мы зафиксировали до десятка скоплений различных кварцевых предметов: готовых к употреблению орудий, заготовок, отходов кварцевой индустрии. Тут же были исследованы несколько овальных впадин с культурным слоем внутри них – скорее всего, кратковременных летних жилищ древних промысловиков. Эти особенности (наличие орудий и остатков жилищ) нового объекта первобытной археологии позволяют думать, что мастерская была одновременно и сезонным промысловым стойбищем.

Третья мастерская была найдена на склоне гранитной скалы Русского Кузова, около кварцевой «жилы» и представляла собой довольно крупное скопление отходов кварцевой индустрии с несколькими, явно не удавшимися, заготовками наконечников стрел.

Таким образом, на протяжении нескольких тысячелетий древние обитатели беломорских островов изготавливали каменный инвентарь в разных местах: во время кратковременных остановок, в мастерских «под открытым небом», привязанных к выходам сырья – кварца, кварцита и сланца, на стоянках – мастерских и временных поселениях.

Вместе с тем, уже тогда материковые жители привозили с собой каменный инвентарь, изготовленный из гораздо более прочного и качественного минерала – кремня, которого практически нет на островах Белого моря. Судя по крайне редким находкам в культурном слое древнейших островных стоянок только фрагментов сломанных изделий, их обитатели завозили лишь готовые к использованию бытовые и охотничьи орудия. Такая практика, скорее всего, связана с незначительным количеством кремня, бытовавшего, как это показывают раскопки карельских археологов, на раннеолитических поселениях Западного побережья Белого моря. Последний исторический факт находит объяснение в отсутствии естественных выходов кремня в Северной Карелии. Согласно исследованиям А. М. Жульникова, кремень доставлялся в Прибеломорье с Онежского озера и с реки Онеги, и его количество увеличивалось постепенно. По мере увеличения запасов кремня на стоянках западного и южного побережья Белого моря росло и его количество на островных стоянках, пока он практически полностью не вытеснил из употребления основной местный минерал – кварц.

Основным ежедневным занятием этих людей было, безусловно, добывание пищи. Судя по составу каменного инвентаря и размерам охотничьих орудий, древнейшие «островитяне» добывали себе и морского зверя, и островную дичь. На нерпу и морского зайца они охотились с помощью составных орудий, остатки которых в виде так называемых «сечений-вкладышей» (фрагментов ножевидных пластин) нам удалось обнаружить на ранних стоянках. Перелётную птицу могли бить с помощью лука и стрел, заготовки которых были найдены на стоянках Соловецкая-4 и Немецкий Кузов-1. Культурный слой стоянок не сохранил для нас ни дерева, ни кости, но редкие находки грузил позволяют считать, что рыболовство, в том числе с использованием каких-то плетёных рыболовных приспособлений, также было одним из способов добывания пищи. И собирательство, вероятно, вносило известное разнообразие в меню людей, проживавших «при море», которое давало разного рода моллюсков, съедобные водоросли и растения.

Охота на морского и лесного зверя давала первобытному островитянину не только жизненно необходимый продукт – мясо, но также жир и шкуры. Если о характере использования первого мы можем только догадываться в ходе экспериментов, то выделанная шкура убитого зверя заменяла древним «поморам» очень многое из того, чем пользуется современный человек. Из шкур шили одежду и обувь, в шкуру заворачивали только что родившихся младенцев, на шкуре спали и ею же укрывались, шкура морского животного шла на обшивку каркасных лодок и на крышу шалаша, из неё же делали колчаны для стрел, нарезали пояса, верёвки, ремешки...

Древние обитатели Соловецких островов, безусловно, готовили себе пищу на огне, но о применении ими глиняной посуды мы можем говорить, только начиная с рубежа V–IV тысячелетий до н. э. К этому времени (5900 лет назад) относятся фрагменты сосудов с ямочной орнаментацией, обнаруженные на стоянке-мастерской Муксалма-6 (рис. 14).

Древнейшие сосуды, использовавшиеся островитянами, имели полуяйцевидную форму, большие размеры (высота до 45 см, диаметр до 40 см) и толстые стенки, сплошь покрытые с внешней стороны ямками. Такой орнамент выполнял, как минимум, две функции:

обеспечивал сравнительно быстрое нагревание содержимого толстостенного горшка и способствовал его сохранению при обжиге на костре. Эти сосуды, скорее всего, были привезены с материка, но нельзя исключать и то, что нужда могла заставить временных обитателей островов изготавливать посуду прямо на Соловках. Возможно, именно об этом свидетельствуют куски и линзы глины, зафиксированные на стоянках Соловецкая-4, Малое Кумино и Муксалма-6.

Были ли на поселениях древних обитателей беломорских островов какие-либо постоянные жилища, рассчитанные на длительное проживание? Археологические материалы пока дают на это отрицательный ответ: никаких очевидных следов искусственных жилых сооружений в культурном слое стоянок мы не зафиксировали. Нет на стоянках и главных бесспорных признаков зимних жилищ – овальных впадин с «валом» вокруг них, которые практически всегда доживают до нашего времени, если жилища-полуземлянки были когда-то сооружены на древнем поселении. Можно лишь предполагать, что первобытные «островитяне» сооружали себе какие-то простейшие летние укрытия от дождя и ветра типа шалашей и навесов, от которых не сохранилось никаких следов. Во всяком случае, срубить тонкое дерево они могли при помощи небольших топоров, а освободить его от коры, обрезать и заострить позволяли многочисленные бытовые орудия: скребки, скрёбла, ножи, а также необработанные ножевидные пластины.

Данные наблюдения приводят к однозначному выводу: постоянного населения, способного проживать на беломорских островах круглогодично в течение ряда лет, в древности не было. Так первобытная археология подтверждает сделанный очень давно, но без должных научных оснований, вывод о том, что первыми постоянными жителями Соловков были монахи Герман и Савватий, два из трёх основателей Соловецкого монастыря, и произошло это только в первой половине XV века.

Как часто приходили на острова Белого моря древние насельники западного и южного побережий? Учитывая общее количество открытых к настоящему времени островных стоянок и местонахождений (не более 75), довольно большую мощность культурного слоя некоторых из них, большие временные промежутки между радиоуглеродными датами стоянок, а также различия в высотных отметках поселений в рамках «стояночных высот» западного Беломорья, можно вполне уверенно сделать некоторые выводы и предположения. Во-первых,

площадки ряда островных поселений (Муксалма-6, Соловецкая-4, Немецкий Кузов-1) использовались неоднократно. Во-вторых, периодичность посещения островов в разные периоды первобытной эпохи была разной. Если учесть, что семь десятков первобытных стоянок и местонахождений, открытых на беломорских островах, приходится на 6 тысяч лет (!), то становится ясно: между посещениями их древними людьми существовали большие перерывы, и новым поколениям приходилось заново открывать для себя и Кузова, и Соловки.

Каменные лабиринты и «святилища» Соловецких островов

Отдельная большая тема, отчасти связанная с памятниками первобытной материальной культуры, – так называемые «культово-символические» выкладки беломорских островов: «святилища», каменные лабиринты и прочие выкладки из камней. Её обширная проблематика нашла отражение в десятках статей (Мартынов, 2010. Библиография), а также в нескольких книгах исследователей (Виноградов, 1927; Куратов, 2008; Мартынов, 2002, 2006, 2010) и интерпретаторов (Кодола, Сочеванов, 2003). Абсолютное большинство опубликованных гипотез, идей и соображений о лабиринтах, к сожалению, нельзя считать сколько-нибудь доказанными. И всё же освещение первобытного и средневекового прошлого островов Белого моря без представления данных памятников было бы таким же однобоким, каким является и много десятилетий повторяющееся описание только лабиринтов.

В ходе многолетних поисков археологи зафиксировали на Соловецких островах более 20 лабиринтов и три скопления искусственных каменных сложений, интерпретированных А. А. Куратовым как первобытные «святилища» (Виноградов, 1927; Куратов, 1973, с. 63–76). По нашему мнению, часть лабиринтов, очевидно, действительно входит в состав древних «святилищ», остальные, скорее всего, не имеют к ним никакого отношения. Все они располагаются на побережьях трёх из шести наиболее крупных островов архипелага: Соловецкого, Анзерского и Большого Заяцкого. Часть выкладок была зафиксирована исследователями в первой половине XX столетия, но позднее разрушена обитателями Соловков в процессе строительных работ. Помимо лабиринтов и «святилищ» к числу «культово-символических» памятников можно предположительно отнести еще не исследованные в стационарных условиях искусственные выкладки, сопровождающие некоторые лабиринты или составляющие самостоятельные группы.

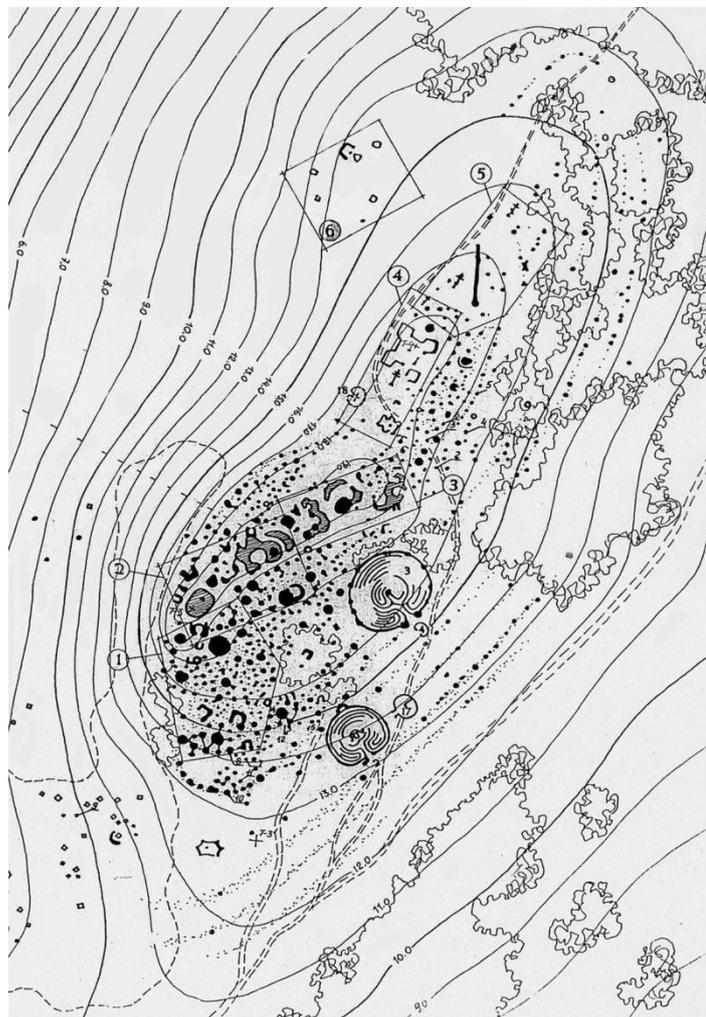
Учитывая дискуссионный характер определений и интерпретаций данных археологических источников, понятия «святилище», «комплекс», «культово-погребальные» и «культово-символические» памятники сознательно заключены в статье в кавычки.

«Святилища»

По мнению А. А. Куратова, «святилища» Соловецких островов включали в себя «культовые и погребальные памятники». В их состав могли входить «каменные лабиринты и груды камней, дольмены, каменные гряды и другие фигурные выкладки из камней» (Куратов, 1973, с. 73). Принимая это определение как гипотетическое, следует заметить, что до тех пор, пока не будет осуществлено стационарное исследование «прочих фигурных выкладок», у археологов есть некоторые основания для включения в состав предполагаемых «святилищ» только ***части лабиринтов и насыпей***. Зарегистрированными к настоящему времени можно считать «святилища» на Б. Заяцком острове и мысе Лабиринтов острова Анзер (сохранились), а

также на мысе Кострище между Школьной и Кислой губами Большого Соловецкого острова (разрушено в 1930-е – начале 1950-х годов).

Святилище **Б. Заяцкого острова** является одним из крупнейших на Севере европейской части России «комплексов» искусственных каменных выкладок («культово-погребальных» памятников), когда-то насчитывавшим не менее 13 лабиринтов, более 600 валунных насыпей и, возможно, десятки других, достоверно не интерпретированных, искусственных выкладок. Всего же на Б. Заяцком острове зарегистрировано около 900 искусственных каменных сложений (Скворцов, 1990, с. 291). Основная группа сооружений располагается на вершине и склонах г. Сигнальной и включает в себя два лабиринта и около 600 насыпей. Высота площадки «святилища» над уровнем Белого моря колеблется от 13 до 18 метров. Строго говоря, лишь эту часть всего «заяцкого» собрания искусственных выкладок можно предположительно интерпретировать как остатки первобытного святилища (рис. 15).

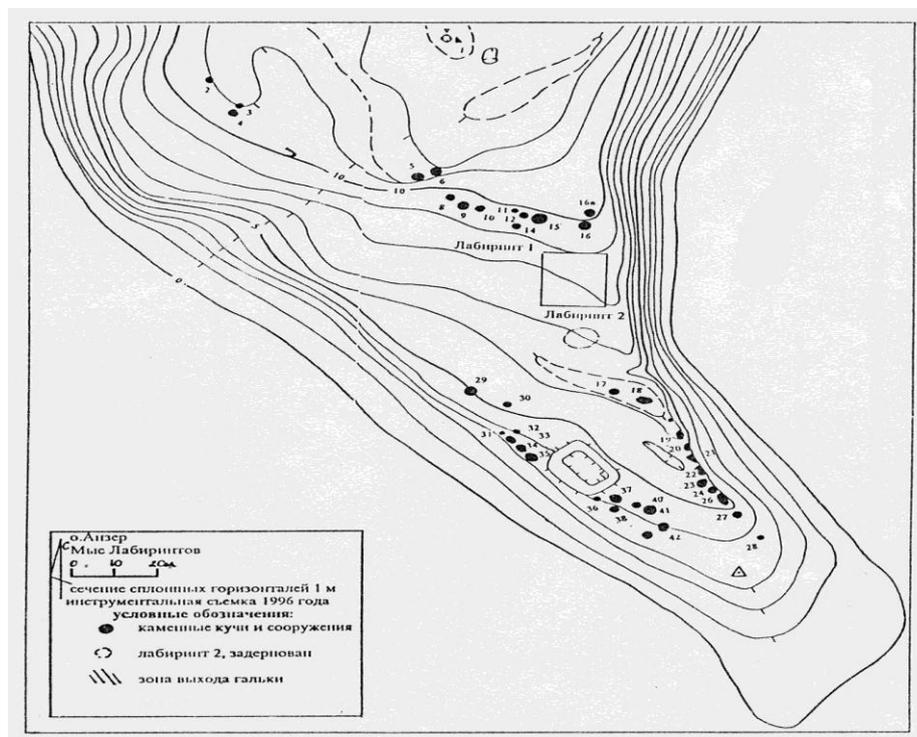
Основанием для датировки данной группы выкладок концом первобытной эпохи можно считать:

- отходы кварцевой индустрии, обнаруженные под большей частью раскопанных насыпей, которые можно предположительно датировать железным «веком»;
- значительно большие размеры лабиринтов № 2 и № 3 по сравнению с другими такими выкладками, что свидетельствует об иной, возможно, более древней технологии;

- большую степень задернованности второго и третьего лабиринтов, а также ближайших к ним каменных груд;
- аналогичные, близкие по размерам, лишайники, зафиксированные на камнях раскопанных насыпей и лабиринтов № 2 и № 3;
- расположение данной группы выкладок на террасе с достаточными высотными отметками (12–16 м над уровнем моря), в отличие от большей части лабиринтов, расположенных на террасах высотой от 2 до 5 м.

Остальные сложения зафиксированы в разных местах острова в виде скоплений или отдельно стоящих насыпей. Все искусственные сооружения сложены из валунов и покоятся на моренных отложениях – мощном слое камней. Они не раскапывались, время сооружения и назначение данных выкладок не известны.

«Святылище» на **мысе Лабиринтов** – компактная группа «культовых и погребальных» объектов, в число которых также входят каменные лабиринты и насыпи. Сложения располагаются на стрелке мыса, ограничивающего с восточной стороны Капорскую губу Анзерского острова. В северной части мыс пересекается с востока на запад естественной моренной грядой. Основная часть археологических объектов располагается к югу от каменной гряды, причем лабиринты – около неё, а каменные груды – вдоль гряды, а также вдоль восточного и западного берегов мыса. Несколько насыпей пересекают мыс в средней части. Он имеет пологий спуск к морю, вследствие чего высота террасы с археологическими памятниками колеблется от 4 до 15 м над уровнем моря. В настоящее время «святылище» состоит из двух каменных лабиринтов и 36 насыпей (рис. 16).

Лабиринты и насыпи

Итак, основными элементами гипотетических «святылищ» Соловецкого архипелага можно предположительно считать **каменные лабиринты и насыпи** («кучи», «груды» «курганы» в интерпретации разных специалистов).

Лабиринты типологически подразделяются на круглоспиральные, подковообразные, «классические» и концентрически-круговые (рис. 17).

Единственной в своем роде является «лабиринтообразная» фигура концентрически-

КЛАССИФИКАЦИЯ КАМЕННЫХ ЛАБИРИНТОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (по А.А.Куратову)		
ГРУППЫ	СПИРАЛЬНО-ПРОЧЕРЧЕННЫЙ ПРИНЦИП КОНСТРУИРОВАНИЯ	КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ
I	Односпиральный	а 1 2 3 4
		б 5 6 7
II		а 8 б 9
III	Биспиральный	10 11 12
IV	Концентрически-круговой	13 14 15

Их разделяет пространство длиной не менее 150 м, лабиринты № 2, 3 отличаются от прочих сложений данной категории рядом существенных признаков (значительно большие размеры, выкладка стенок в виде «горки», а не в один – два ряда камней, наличие большого количества насыпей в структуре выкладок, в том числе ярко выраженного центрального сооружения). Лабиринт № 1 занимает и территориально и по внешним признакам промежуточное место между данными группами сложений этой категории. Прямым аналогом ему является лабиринт № 1 на м. Лабиринтов Анзерского острова, предположительно датированный археологами эпохой раннего металла (рис. 19).

прямоугольной формы. Предварительно необходимо заметить, что лабиринты Б. Заяцкого острова, как и каменные насыпи, не оставляют впечатления единого целого, и могут быть с достаточным основанием разделены, как минимум, на две группы. Первую из них составляют фигуры № 2, 3, располагающиеся на южном склоне г. Сигнальной в комплексе с насыпями (рис. 18), вторую – остальные выкладки, занимающие более обширную территорию второй территории западной оконечности острова.

Насыпи представляют собой груды камней круглой или овальной формы, которые можно условно разделить на три категории в соответствии с параметрами и наличием или отсутствием у них дополнительных элементов. Основная часть насыпей характеризуется средними размерами (диаметр основания – 1,5–2,3 м, высота до 1 м) и значительной (до половины кладки) задернованностью. Вторую группу составляют небольшие (диаметром до 1,5 м и высотой до 0,5 м) незадернованные кучи. Некоторая часть «курганов» представлена большими, частично задернованными насыпями (диаметр до 4 м, высота до 1,5 м), которые иногда сопровождаются дополнительными кладками в виде так называемых «оградок» – овальных в плане валунных стенок – высотой до 0,7 м и шириной до 0,8 м.

Стационарные исследования каменных насыпей Б. Заяцкого острова производили в разные годы К. П. Рева (1907, с. 107), А. Я. Брюсов (устная информация), А. А. Куратов (1969, с. 19–20) и автор статьи (2010, с. 200–207), однако лишь двум последним археологам удалось получить положительные результаты. Под первой из двух раскопанных насыпей (1,8 x 1,3 x 0,75 м) на нулевой отметке А. А. Куратов зафиксировал «черный гумусовый горизонт в виде линзы пережженной почвы, перемешанной с булыжными камнями, насыщенной золой, углем и размельченными кальцинированными косточками». В этом же слое были обнаружены две кальцинированные человеческие косточки (эпифазы бедренной и берцовой костей) и два кварцевых отщепов. Разборка второй (маленькой) груды (1,3 x 0,7 м) позволила обнаружить овальное гумусовое пятно без признаков захоронения. На уровне пятна были найдены несколько кварцевых отщепов (Куратов, 1969, с. 32). Материалы раскопок позволили исследователю считать каменные груды Б. Заяцкого острова надмогильными сооружениями, содер-

жащими остатки захоронений, «предусматривавших трупосожжение» (Куратов, 1973, с. 72–73).

Экспедицией Соловецкого музея-заповедника к настоящему времени раскопаны 22 насыпи, выбранные по репрезентативному признаку (рис. 20).

Сравнительный анализ материалов раскопанных куч даёт следующую картину. При разборке *малых* груд на уровне дневной поверхности морены выявлены в одном случае большой плоский валун с обожженной поверхностью, в семи других – слой мелких необожжённых камней. При этом в шести случаях под шапкой

насыпей были найдены кварцевые и кварцитовые отщепы и сколы. Раскопки *средних* по размерам куч дали в основном аналогичную, хотя и более содержательную, картину. Под тремя насыпями были зафиксированы горизонты пережженной почвы мощностью до 10 см вперемишку с камнями, при разборке которых обнаружены несколько кальцинированных косточек млекопитающих, а также кварцевые отщепы, нуклеусы и заготовки скребков.

Аналогичные результаты были получены в процессе раскопок разрушавшихся каменных насыпей «святилища» на м. Лабиринтов и м. Кирилова Анзерского острова.

Таким образом, материалы наших раскопок существенно расширили представления о характере каменных груд. С одной стороны, они подкрепили предположение А. А. Куратова о погребальном назначении некоторых из них, с другой – усложнили проблему интерпретации каменных насыпей Соловецкого архипелага в связи с находками в их структуре предметов, не вписывающихся в сложившееся представление о них как о «надмогильных» сооружениях первобытного «святилища».

Основные проблемы «культово-погребальных» памятников Соловецких островов

Круг проблем, связанных с первобытной археологией Соловецкого архипелага и других островов Белого моря, формировался на протяжении всего времени поисков и изучения древних памятников. Первоначально были выделены три основных вопроса, касающихся исключительно каменных лабиринтов: кем, когда и зачем выстроены данные сложения (Виноградов, 1927, с. 140, 144, 149). Позднее были сформулированы проблемы классификации лабиринтов и «технологии» их сооружения, а также «поднят» вопрос о «святилищах» (Куратов,

1970, с. 37–46; 1973, с. 73–76). По мере накопления источников в ходе полевых исследований последних десятилетий возникли проблемы хронологии и периодизации памятников первобытной культуры архипелага, соотношения стоянок и «культово-погребальных» объектов, реконструкции материальной культуры и верований древних обитателей островов, особенностей островной культуры в разные эпохи. В последние годы были сформулированы вопросы о причинах посещения Соловков древним населением, а также о средствах, способах и маршрутах передвижения между архипелагом и материком (Мартынов, 1990, с. 22–23; 2002, с. 94–122; 2004, с. 5–17; 2007, с. 80–96).

Проблемы **датировки и культурной принадлежности** «культово-погребальных» памятников Соловецкого архипелага тесно взаимосвязаны и не могут обсуждаться без учета этой взаимосвязи. Все высказанные по этому поводу гипотезы в той или иной степени не удовлетворительны, прежде всего, из-за неопределенности конечных временных и культурных определений («датируются II–I тыс. до н. э.», «принадлежат к кругу циркумполярных культур», «относятся к эпохе бронзы», «сооружены в Средние века»). Подобные заключения отчасти приемлемы, пока мы рассуждаем о каменных лабиринтах Северной Европы в целом, но вызывают критику, если речь идет о проблемах конкретных локальных культурных комплексов, подобных «святилищам» Соловецкого архипелага. На наш взгляд, методологически правильной будет следующая постановка данных проблем. Когда началось сооружение лабиринтов и формирование соловецких «святилищ» и когда практика их строительства была прекращена? В какое время прекратилось их первоначальное (древнее) функционирование? Какой конкретно территориально обособленной культурной группе Беломорья они принадлежали? Все ли лабиринты архипелага можно относить к числу первобытных, или они строились в разные эпохи?

Исследования двух последних десятилетий позволяют сформулировать гипотезу о «прибеломорском» происхождении создателей первобытных соловецких «святилищ». Наиболее ранние из обнаруженных поблизости от них стоянки Капорская и Колгуевская-1 располагаются на 8-метровых песчаных террасах. Их характеризуют керамика с гребенчатой орнаментацией, а также каменный инвентарь, в котором преобладают кремневые изделия характерных для Южного Беломорья типов. Данные памятники датируются в рамках второй половины II–I тыс. до н. э. и, скорее всего, были связаны со стоянками Онежского полуострова этого времени. Топография, керамика и инвентарь поселений Соловецкая-1, 2 и Андреевская пустынь позволяют с большей степенью вероятности связывать их происхождение с населением Позднебеломорской культуры раннего железа с западного побережья Белого моря.

В определенной цепочке «материковые стоянки» – «островные стоянки» – «святилища» звеном, требующим обоснования, является взаимосвязь некоторых из островных стоянок и «святилищ». Работы А. А. Куратова и наши многолетние раскопки дают возможность привести ряд аргументов в пользу существования такой связи. Прежде всего, это территориальная близость стоянок и «культово-погребальных памятников», а также их топография. Максимальное расстояние между ними составляет 0,4 км¹, минимальное – 150 м. Часть

¹ Исключение составляют стоянка Муксалма-1 и святилище на м. Лабиринтов Анзерского острова, но они располагаются прямо напротив друг друга в пределах видимости.

лабиринтов и груд располагается на высоте 8–14 м над уровнем моря, что соответствует высотным отметкам стоянок. Во-вторых, на это, возможно, указывают аналоги в инвентаре поселений и насыпей. В коллекциях находок из «курганов», раскопанных на 8–15 метровых площадках Б. Заяцкого острова, преобладают кварцевые предметы; инвентарь под насыпями на м. Лабиринтов состоит из *кварцевых*, *сланцевых* и *кремневых* отщепов и скребков. Инвентарь Муксалмы-1, Колгуевской-1 и Капорской изготовлен преимущественно из *кремня*, а также из *сланца*, *кварца* и *песчаника*, и это обстоятельство допускает указанную культурно-временную связь. Закономерным (естественным) при наличии такой связи представляется присутствие в инвентаре Муксалмы-1 ритуального топора, в коллекциях Капорской и Колгуевской-1 – кремневых фигурок промысловых животных, а также находка кремневой скульптурки тюленя в каменной насыпи поблизости от лабиринтов на М. Заяцком острове.

Таким образом, анализ всего имеющегося в распоряжении исследователей археологического материала подводит нас к предположению о том, что комплексы соловецких «культво-погребальных» памятников начали создаваться во второй половине II–I тыс. до н. э. с появления на о. Анзер стоянок Капорская и Колгуевская-1 и, видимо, первых каменных лабиринтов и насыпей (рис. 21).

Древнейший период строительства и «функционирования» островных «святилищ» закончился, по-видимому, в первой половине I тыс. н. э. Возможно, это связано с исчезновением стоянок раннего железа позднеломорской культурной группы в низовьях рек Кемь и Выг (Косменко, 1991, с. 212–213).

Все прочие лабиринты, располагающиеся на террасах высотой от 3 до 5 м и не связанные с каменными насыпями, могли быть выложены не ранее эпохи Средневековья (рис. 22).

Самой сложной и запутанной проблемой соловецких «святилищ» был и остается вопрос об их **назначении**. Не забывая о спорности интерпретации скоплений лабиринтов и насыпей как первобытных «святилищ», принципиально важно выделить в ней два аспекта: назначение «святилищ» как комплексов погребальных и культовых объектов и назначение лабиринтов как одного из элементов «святилищ». Не менее актуален вопрос о назначении так называемых «одиноких» лабиринтов, выложенных в местах рыболовного промысла или связанных с морскими животными (мыс Белужий, мыс Кирилловский).

До настоящего времени единственным археологом, который специально занимался проблемой назначения «культово-погребальных комплексов» Соловецких островов, был и остаётся А. А. Куратов. Исследователь отмечает, что «святилища посещались людьми для погребения умерших, а также для отправления разнообразных обрядов первобытной религии... Здесь **имели место охотничье-промысловая и рыболовная магия..., проводились инициальные операции**» (Куратов, 1973, с. 73; 1974, с. 18–20). Соглашаясь с таким мнением как гипотетическим, необходимо отметить, что новые археологические материалы позволяют дополнить его рядом существенных соображений. Прежде всего заметим, что формула «погребение умерших» не раскрывает характера обряда и не дает представления о последовательности операций, возможно, производившихся при его отпращивании. Анализируя всю совокупность данных, полученных при раскопках каменных насыпей, нельзя не заметить значительных различий в наборе культурных остатков. В одних случаях (о. Б. Заяцкий) есть основания предполагать, что насыпь сооружена над разложенным и сгоревшим на площадке святилища символическим погребальным костром (культурный слой с угольками, кальцинированными человеческими косточками и отходами кварцевой индустрии), остатки которого были посыпаны раковинами моллюсков. В других (м. Лабиринтов, о. Б. Заяцкий) весь обряд мог сводиться к помещению на площадку будущего «кургана» кальцинированных или не-

обожженных костей млекопитающих, кварцевых предметов и закладыванию их валунами. В третьих (там же) случаях это была операция по выкладыванию каменной кучи на моренной гряде. Наличие в «подкурганых» пространствах костей млекопитающих и птиц допускает предположение о жертвоприношениях, совершавшихся в процессе погребения и являвшихся, вероятно, частью обряда захоронения.

В перечень возможных обрядов первобытной религии, совершавшихся на лабиринтах, исследователями включены действия, связанные с **культуво-промысловой магией и инициациями**. Обоснование первых Н. Н. Гурина усматривала (Гурина, 1948, с. 126–142):

- в расположении (некоторых – А. М.) лабиринтов на морском побережье в местах развитого (по этнографическим данным) морского промысла;
- в схожести выкладок с некоторыми традиционными рыболовными снарядами (например, заколами или венгером);
- в выборе для постройки лабиринтов участков побережья, напоминающих по форме внешний контур подковообразных лабиринтов.

Данные признаки отчасти распространяются и на островные сложения (в районе м. Белужьего, на м. Кирилловском) с тем отличием, что традиционные зверобойный и рыболовный промыслы в указанных местах были искусственно прерваны в первой половине XX столетия.

В целом, согласиться с таким предположением можно с одной существенной оговоркой: имеются в виду только одиночные (не сопровождающиеся каменными насыпями) лабиринты, расположенные вблизи мест морского промысла.

Что касается обряда инициации, то автор гипотезы В. Р. Кабо обосновывает её, учитывая археологические аналоги, распространение в Австралии подобных сооружений, служивших аборигенам для совершения обрядов посвящения. В целом гипотеза исходит из общего философского понимания данного обряда как смерти посвящаемого и возвращения его к новой жизни (Кабо, 1969, с. 309–314).

Разнообразные обряды первобытной религии, которые могли совершаться на «святилищах», вероятно не ограничивались культуво-промысловой магией и инициальными операциями. Находки в культурных слоях стоянок и вблизи «святилища» Б. Заяцкого острова фигурок промысловых животных наталкивают на предположение о существовании у обитателей островных поселений – создателей «святилищ» – поклонения морским промысловым животным – тюленям и (или) белухам. Присутствие в верованиях островного населения элементов тотемизма представляется естественным и объясняется тем, что его жизнь в значительной степени зависела от успехов или неудач в морском промысле (сало, шкуры, мясо нерпы). Важную роль могло играть и то обстоятельство, что именно белуха и тюлень были теми представителями животного мира в Беломорье, которые оказывали наиболее сильное эмоциональное воздействие на первобытных обитателей архипелага.

Небольшой круг источников дает возможность гипотетически включить в число их верований **культ солнечного божества**. О некоторой вероятности бытования такого культа в системе верований первобытного беломорского населения свидетельствуют, на мой взгляд, отдельные наскальные изображения Залавруги (Савватеев, 1970, с. 66). На совершение обрядов поклонения солнцу-божеству на Соловках, возможно, указывают некоторые каменные

сложения архипелага, а также сами условия жизни и хозяйствования древнего населения побережья и островов Белого моря. Сезонная охота, рыболовный промысел, мореплавание на значительные расстояния, суровые климатические условия, в которых солнце было одним из немногочисленных источников тепла и света, а также ориентиром, позволявшим определить направление движения, были вескими предпосылками для обращения аборигенов к солнцу как сверхъестественной силе, дарующей людям тепло и свет.

Но мог ли иметь какое-то отношение культ солнца к соловецким «святилищам»? Положительный ответ на данный вопрос оправдан, если учесть, что два типа соловецких лабиринтов вполне соотносимы с солнцем. Лабиринты данных типов представляют собой односпиральные сооружения, внешняя стенка которых повторяет круг и концентрически-круговую фигуру в виде системы вписанных друг в друга каменных колец. Если кроме внешнего сходства учесть то обстоятельство, что «святилища» располагаются на мысах, с которых обозревается восход или закат солнца, можно предположить, что некоторые лабиринты и символические фигуры в святилищах сооружались для отправления обрядовых действий, должных вызвать исчезавшее время от времени Светило. Сооружение на святилищах каменных символов солнца вполне допустимо при многодневных отсутствиях последнего в период сезонной охоты, холодного дождливого лета, в иных неблагоприятных ситуациях. Итак, древние «святилища» могли быть местами, где происходила часть «обрядовой» жизни первобытных обитателей Беломорья. Предположительно на них совершались обряды, связанные с символическим погребением умерших, поклонением предкам, охотничье-промысловой и рыболовной магией, инициацией, культом солнечного божества и, возможно, другие, не выявленные или не понятые, магические действия.

* * *

В свете всего вышеизложенного становится более определенным *и назначение каменных лабиринтов как элементов первобытного «святилища»*. Необходимо отметить, что в научной литературе существует целый ряд разных гипотез о назначении этих загадочных сооружений, и абсолютное большинство их рассматривает лабиринты как объекты, функционально не связанные с другими древними искусственными сооружениями. Данное обстоятельство обусловило уязвимость выдвинутых предположений и невозможность их распространения на все памятники данной категории. Не вдаваясь здесь в анализ существующих гипотез о назначении лабиринтов (это сделано А. А. Куратовым), следует, прежде всего, заметить, что и первоначальное, древнее, и позднее, средневековое, назначение каменных лабиринтов Северной Европы, очевидно, было разным. Скорее всего, отличались функции лабиринтов, расположенных группами и сопровождающихся насыпями в «святилищах» Соловецких островов, с одной стороны, и одиночных лабиринтов архипелага и Кольского полуострова, с другой. Неоднозначным было, по-видимому, использование одиночных фигур и скоплений лабиринтов в культово-погребальных комплексах Соловецких островов. Нельзя исключать также специфики функционирования разнотипных фигур. Разные функции могли исполнять лабиринты и в процессе совершения разных обрядов первобытной религии.

Археологические материалы не дают возможности достоверно выявить древние функции каменных лабиринтов, однако позволяют сформулировать некоторые соображения на этот счет.

Как место символических захоронений Соловецкие острова были выбраны, очевидно, не случайно (куда проще и безопаснее было хоронить умерших на материке), а в связи с какими-то представлениями о потустороннем мире² и собственной смерти. Анализируя вероятную последовательность действий в процессе «похорон», можно согласиться с предположением Н. Н. Виноградова о том, что они совершались с осознанной целью – обеспечить невозвращение умершего или его души из потустороннего мира, который при таких представлениях о смерти мог восприниматься чуждым и враждебным. Но присутствие рядом с насыпями лабиринтов, являющихся системой запутанных ходов, позволяет думать, что в их понимании данных процедур было недостаточно. Вероятно, для отправления в иной мир и могли сооружаться, прежде всего, эти фигуры, претерпевшие на Соловках эволюцию от самых простых (круглоспиральных) до гораздо более сложных («классических»). Из этого следует, что каменные лабиринты соловецких «святилищ», выстроенные на границе двух миров, могли быть символами либо потустороннего – «нижнего» – мира, в котором запутывались души умерших, либо пути в него. Это заключение вполне согласуется с распространенными в древности на Европейском Севере представлениями об островах как о «перевалочных» пунктах на пути в «страну заходящего солнца» (Равдоникас, 1940, с. 61), где в древности формировались могильники с разнообразными, подчас очень специфичными, погребениями (Олений остров на Онежском озере) (Гурина, 1956, с. 47). В этой символической роли могла заключаться, на наш взгляд, основная функция лабиринтов, реализовывавшаяся посредством специальных магических операций.

Второе, более конкретное и материализованное назначение данных сооружений в святилищах заключалось, по-видимому, в их использовании как магических инструментов для совершения всевозможных ритуальных действий (танцев, гаданий, предсказаний, общений с духами и т. д.).

Кто, зачем и как «ходил» на острова в древности?

Исследовав древнейшие островные стоянки и сопоставив их топографию, керамику и каменный инвентарь с материалами известных поселений данного времени на материке, мы без особого труда нашли аналоги только в двух, но самых важных для понимания древней исторической ситуации в Беломорье, местах. Это – западное побережье, низовья рек Кемь и Выг с прилегающими к ним территориями, а также Летний берег Белого моря. И высотные отметки, и расположение стоянок на морене и песке, и геоморфология (тонкий, слабо окрашенный культурный слой), и каменный инвентарь материковых и островных стоянок аналогичны. Сама география (наличие между западным побережьем и Кузовами множества островов, разделённых расстояниями 0,5–1,5 км) исключает всякие сомнения в том, что первоот-

² Согласно распространенному в науке мнению, первобытное население ойкумены делило вселенную на три мира: верхний (мир небесных светил и добрых духов), средний (мир людей, животных, птиц и растений) и нижний (подземный и подводный, населенный темными потусторонними силами и злыми духами).

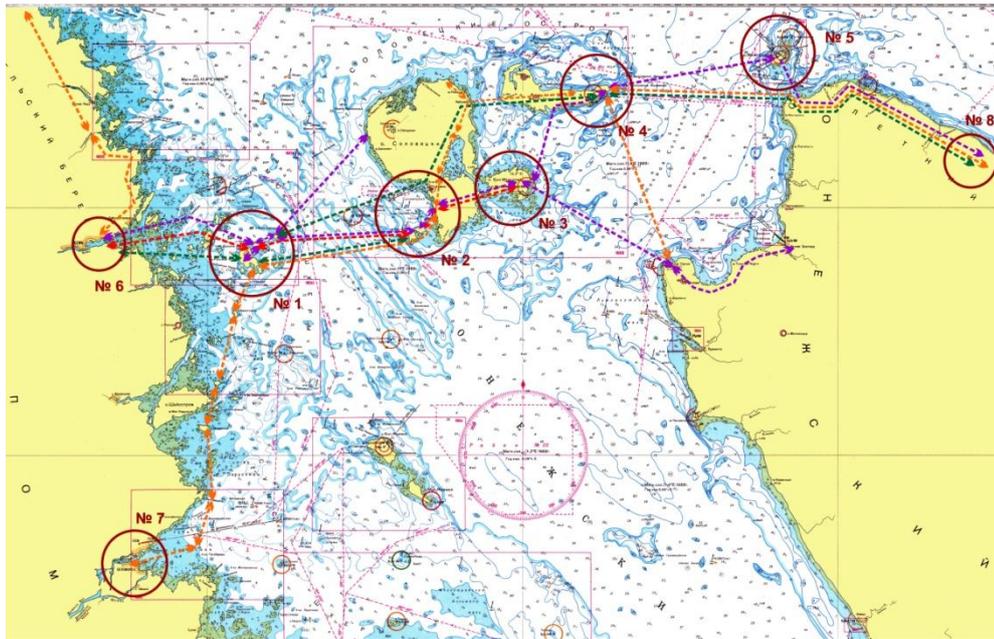
крывателями островов были обитатели кемских позднемезолитических и ранне-неолитических поселений (Мартынов, 1995, с. 68–79; Манюхин, Лобанова, 2002, с. 19–27).

Итак, первыми островами, открытыми в древности в Белом море, были наиболее близкие к материку Кузова, а первооткрывателями следует считать население западного побережья, проживавшее там с **VII тысячелетия до н. э.**

Открытие Соловецкого архипелага произошло также в эпоху мезолита. Помимо столь же выразительных аналогов между стоянками двух соседних архипелагов на это указывает ещё одно обстоятельство: как и сейчас, в древности Соловки как цель морского путешествия были видны только со скальных вершин Немецкого и Русского Кузовов, да ещё со стрелки Онежского полуострова – мыса Ухт-Наволоок. Но на Онежском полуострове нет ни мезолитических, ни неолитических стоянок с кварцевым инвентарём, а в нескольких десятках метров от скал Немецкого Кузова уже раскопаны поселение и мастерская этого времени (рис. 23).

Да и без всякой археологии любому здравомыслящему человеку ясно, что древние люди могли осваивать беломорские острова только по принципу «с материка – к близлежащему острову, от него – к следующему и так далее», направляясь к видимой издалека цели морского путешествия. Древнейшим морским путём с материка на Соловецкие острова, который существует с середины VI тысячелетия до н. э. и по сей день, является «западный»: с низовьев р. Кемь через архипелаг Кузова (рис. 24).

Особый интерес представляет **вопрос о первопричинах открытия Соловецкого архипелага**, которое, безусловно, было опасным и рискованным предприятием. Традиционным в археологии является мнение о том, что миграции на новые земли в древности вызывались чаще всего исчезновением объекта охоты – зверя и необходимостью поисков неосвоенных, богатых промысловым зверем и рыбой, территорий. В данной ситуации, когда одним из объектов охоты был морской зверь, такую причину можно признать возможной, если охотники наблюдали в районе Кузовов за миграцией тюленей или белух в направлении Соловецкого архипелага. Однако быть основной причиной опасного хождения «за море» это не могло; значительно проще было добыть и лесного и морского зверя на побережье. Гораздо более вероятной представляется иная первопричина – **присущая человеческой природе во все времена любознательность**, любопытство, неистребимое желание рассмотреть вблизи тёмные полосы далёкого берега. Наблюдая со скальных вершин Немецкого Кузова эти непонятные, просматривавшиеся только в ясную погоду, возвышения на горизонте, они могли решиться и решились на первые поездки. Немаловажным обстоятельством был и накопленный ими опыт прибрежного плавания (между Кемскими островами и Кузовами), в существовании которого сомневаться не приходится.

* * *

Интересной проблемой, от решения которой во многом зависит достоверность наших представлений о первобытном мореплавании, является **реконструкция средств передвижения** по Белому морю. Круг археологических источников для этого весьма узок и не бесспорен, однако и они дают основания для формулировки гипотезы.

Прежде всего, это каменные «якоря», или, точнее, «якорные камни», обнаруженные в культурном слое стоянок Соловецкая-4, Муксалма-2 и Колгуевская-2. «Якорные камни» представляют собой сланцевые или песчаниковые плиты со слабо заметными или ярко выраженными (на Колгуевской-2) углублениями, выполненными на противоположных гранях для ли-

ня, соединявшего камень с лодкой. Размеры «якорных камней» варьируют от 32 × 30 × 4 до 44 × 31 × 5 см, вес изделий – от 5 до 18 кг (рис. 25).

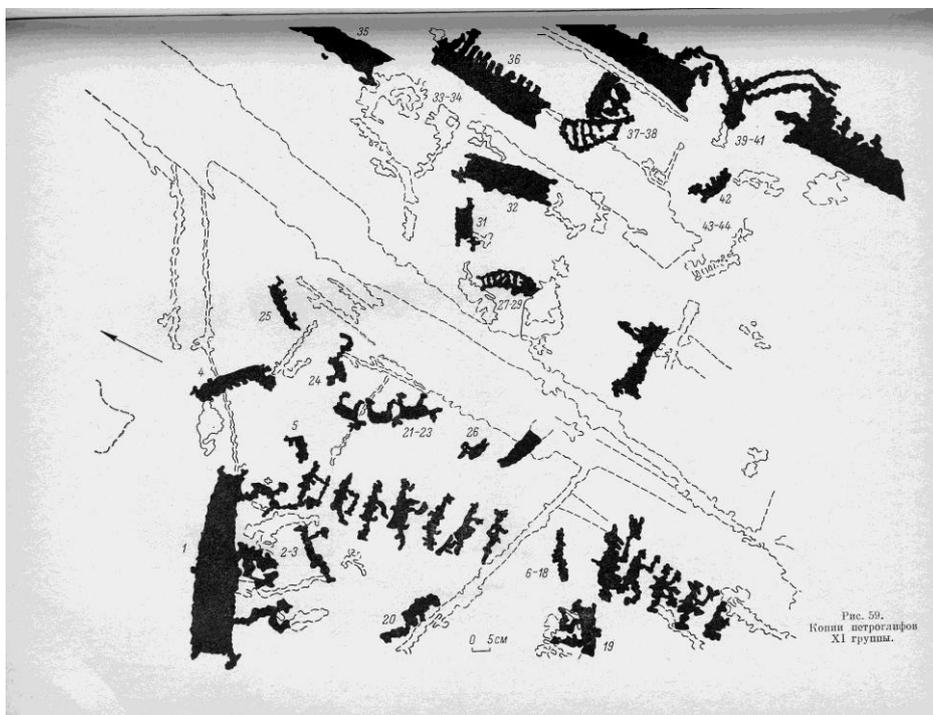

Отдельной группой источников является каменный инвентарь, использовавшийся при заготовке и обработке дерева (рубящие орудия, скобели, скрёбла), охоте на морских животных (наконечники копий, охотничьи топоры) и обработке шкур (ножи, скребки, проколки). Данная категория источников в той или иной мере присутствует на большей части поселений эпох кам-

ня и раннего металла.

Важными источниками для реконструкции морских средств передвижения можно считать одну категорию наскальных изображений, обнаруженных в низовьях реки Выггодки. Согласно мнениям карельских исследователей профессора Ю. А. Савватеева (1970, с. 92, 172) и к. и. н. А. М. Жульникова (2006, с. 143–144), среди беломорских петроглифов были изображены долблѣнки и каркасные лодки, которые могли нести на себе от 1 до 24 человек (рис. 26).

Итак, имеющиеся в распоряжении археологов источники указывают на два наиболее вероятных способа передвижения по Белому морю в древности: на каркасных лодках и лодках-долблѣнках. Но указывают только косвенно. В поисках дополнительных аргументов в пользу данной гипотезы можно было

сделать одно из двух: либо найти остатки лодок в культурном слое островных стоянок, либо построить такие лодки и пройти на них с западного побережья на Соловки. Поскольку дерево и кожа в песке первобытных стоянок Соловецких островов не сохранились, остаются эксперименты.

В 2009–2010 гг. на Белом море были осуществлены два эксперимента. Их участники: сотрудники Соловецкого музея-заповедника А. Я. Мартынов, С. Б. Балан и А. Л. Шарков, народный мастер по бересте А. В. Шутихин (г. Котлас), мастер по дереву А. А. Казаков (деревня Бородинская Устьянского района Архангельской области) и их единомышленники.

Эксперимент № 1: каркасная лодка «берестянка»

Строительство «морской» каркасной лодки и экспериментальное испытание её в условиях Белого моря осуществлялось в несколько этапов.

Этап 1. Заготовка материала (береста, сосновый корень, смола и ветви хвойных и лиственных деревьев).

Для изготовления лодки необходима молодая, эластичная, без трещин и «пороков», береста толщиной не менее 3 мм. Материал следует заготавливать в конце мая – первой половине июня, когда кора хорошо отходит от ствола. Снятую бересту нужно скрутить в рулон и в таком виде хранить до начала строительства. Идеальным можно считать случай, когда строительство лодки начинается сразу после заготовки, пока береста ещё не высохла. Кору двух берёз диаметром «в комле» не менее 30 см хватает на одну лодку.

Ветви ели идут на шпангоуты и на верхние края бортов («раму»). Для «рамы» нужно 8 длинных (свыше трёх метров), плавно изогнутых ветвей диаметром в основании от 4 до 5 см. Для шпангоутов используются ветки длиной от 1 до 2 м, толщиной до 2,5 см. Все ветки, выбранные для строительства, необходимо очистить от коры и сучков.

Для формирования прокладки между берестяной обшивкой и еловыми шпангоутами можно использовать длинные (2–2,5 м) и тонкие (1,5–2 см) стволы молодых лиственных деревьев, предварительно «окорённых» (частично освобождённых от коры и полностью – от сучков). Условное название данных деталей лодки – стрингеры.

Заготовку соснового корня легче всего производить на песчаных (боровых) террасах, где, как правило, находятся северные стоянки эпох мезолита и раннего металла. Корень таких сосен обнаруживают на расстоянии 2–3 м от дерева на глубине 5–10 см. Толщина корня должна составлять от 5 до 15 мм. Перед употреблением корень размачивают в воде, очищают от коры и расщепляют надвое.

Еловую смолу собирают на елях в местах повреждения ствола (сломанный сучок, естественная трещина и т. д.). Для использования годится и высохшая, и свежая смола. При нагревании она расплавляется, и в неё добавляют любой животный жир (свиной, гусиный, тюлений, китовый). Стандартное соотношение: 10 частей смолы на одну часть животного жира.

Этап 2. Строительство.

Для строительства лодок использовались простейшие орудия труда: топор, нож и шило. На земле по контурам днища будущей лодки были вбиты колья высотой 60–70 см, береста уложена между кольями и прижата к земле камнями. Для днища лодки использовались самые длинные и прочные куски бересты (3 × 1 м). К ним пришили сосновым корнем сверху дополнительные куски бересты, которые сформировали борта (рис. 27).

Верх бортов зажали между двумя толстыми ветвями верхней «рамы», которые связали сосновым корнем. Через 60–100 см верхние борта соединили между собой шестью поперечными «стяжками», которые впоследствии служили спинками для гребцов. Шпангоуты расположили через каждые 7–12 см, уперев в борта. Между шпангоутами и бере-

стой проложили «стрингеры», смастерив, таким образом, второе – деревянное – дно и вторые борта. Швы на берестяном полотнище промазали еловой смолой. Рабочая группа в составе А. Шутихина, А. Полежаева, В. Ярыша, А. Мартынова, И. Дубровского и М. Хохлиной построила «морскую» лодку за три дня (рис. 28).

Этап 3. Переход по маршруту Кемь (порт) – Кузова – Соловки.

Переход от Кемь до о. Немецкий Кузов (около 23 км) был осуществлён за 6 часов со средней скоростью 3–3,5 км/час с двумя короткими (по 15–20 минут) остановками на промежуточных островах, которые были вызваны необходимостью вылить накопившуюся в лодке воду и «размять ноги» гребцам (А. Мартынов и А. Шутихин).

Первые два часа перехода совпали со средней фазой отлива, когда скорость течения наиболее велика, поэтому на данном этапе была зафиксирована максимальная скорость движения

лодки – 6 км/час. Остаток пути пришлось идти в ситуации, когда, с одной стороны, движению способствовало постепенно ослабевающее отливное течение, а с другой – ему препятствовал встречный ветер, поэтому скорость лодки упала до 2,5–3 км/час. В зависимости от местонахождения лодки высота волны колебалась от 20 до 80 см, а направление – от «носовой» до бортовой. Данные обстоятельства осложняли движение, но в то же время позволяли проверить возможности лодки в естественных условиях Белого моря (рис. 29).

После короткой остановки на о. Немецкий Кузов лодка взяла курс на Б. Заяцкий остров Соловецкого архипелага. Движение на этом, наиболее сложном и длинном, участке пути было осложнено двумя обстоятельствами:

сильным встречным ветром и усталостью, накопившейся за дол-

гий рабочий день. По этим причинам удалось пройти за два с половиной часа наиболее сложный участок («сувои» между о. Олёшин и о. Б. Топ), а часть пути до Пёсьей луды залива Благополучия проделать «на буксире». Финальный отрезок данной части маршрута был пройден на лодке без помех.

В течение лета 2009 года на ней периодически ходили по Святому озеру. В июле сотрудниками музея А. Мартыновым и С. Балан был успешно пройден маршрут протяжённостью около 10 км от царской пристани Б. Соловецкого острова до гавани о. Б. Заяцкий.

Эксперимент № 2: лодка-долблёнка

Этап 1. Заготовка материала.

Согласно этнографическим данным, единственным видом лиственных деревьев, из которых в XIX–XX вв. изготавливали на Севере лодки-долблёнки («однодеревки»), была осина. Этим объясняется происхождение ещё одного названия северных долблёнок – «осиновки». Современная практика строительства долблёнок позволяет утверждать, что «осиновка» размерами 4,5–5 м способна перевозить не более 3 человек, лодки большей длины на реках просто не строили, в этом не было необходимости. Для строительства «морского» варианта долблёнки были заготовлены два ствола осины длиной по 10 м и диаметром 80 см в местах спила.

Этап 2. Строительство лодки-долблёнки.

«Морской» вариант лодки-долбленки («осиновки», «однодеревки», «камьяги») был выполнен по заказу Соловецкого музея-заповедника мастером А. А. Казаковым в 2010 году. Помощниками мастера в строительстве лодки были его односельчанин А. Ипатов и автор статьи.

Основные этапы работы (рис. 30):

- освобождение ствола от коры (окашивание) в тёплое время года, когда кора отсоединяется от блестящей поверхности дерева с потрескиванием;
- разметка будущей лодки по стволу с напуском на обрезку и по торцу;
- оформление формы носа и кормы будущей лодки;
- выдалбливание древесины стальным (в древности – кварцевым, кремнёвым или сланцевым) теслом по принципу: сначала центральную часть, затем боковые;
- зачистка внутренней и внешней поверхности лодки стальным скребком (в древности это можно было сделать каменными скребками и скребелями);
- поэтапная разводка бортов до необходимой ширины посредством нагревания до кипения налитой в лодку воды (в древности – помещая в воду раскалённые камни) и распиравания бортов толстыми еловыми ветками;
- установка шпангоутов из еловых загнутых веток путём прикрепления их к выступам – клампам;
- просушка и пропитка лодки тюленьим жиром.

Параметры «морской» лодки: длина – 8 м, максимальная ширина – 1,2 м, высота бортов 40–45 см, вес – около 200 кг, грузоподъёмность – более 1,2 т. По имеющимся у нас данным, лодка таких размеров построена на Архангельском Севере впервые за два последних столетия.

Этап 3. Испытание долблёнки в условиях Белого моря.

Бесценная помощь в реализации проекта была оказана спонсором ООО «Экологические технологии» (руководитель – Ю. Н. Рогачёв, пос. Октябрьский Устьянского района Ар-

хангельской области), предоставившим мастеру исходный материал, а также доставившим изготовленную лодку за 1200 км на западный берег Белого моря (рис. 31).

В процессе строительства лодки сложился экипаж в составе 6 человек: А. Мартынов – капитан и рулевой, С. Балан и А. Шарков (Соловки), А. Казаков и Ю. Рогачёв (Устьяны), С. Денисов (Москва). Испытания лодки-долблёнки состоялись в июле 2010 года в разных погодных условиях: при попутном, встречном и боковом ветре до 5 м/сек, по течению и против течения, против течения и ветра, на волне высотой до 30 см и в штиль. Работали пятью вёслами, предоставляя возможность гребцам отдыхать по очереди. Переход от Кеми (порт) до о. Немецкий Кузов был осуществлён за 6 часов с коротким (на 20 минут) отдыхом на одном из Кемских островов (рис. 32).

В связи с усилением ветра и высокой волной на участке о. Немецкий Кузов – о. Б. Заяцкий, а также не имея возможности задержаться на Кузовах до следующего дня, данную часть маршрута лодку протащили на буксире за музейным катером Печак, убедившись при этом в её способности держаться на воде при волне до 1 м высотой и движении со скоростью до 8 узлов.

Переход от гавани XVI века на о. Б. Заяцкий до монастырского дока Б. Соловецкого острова был осуществлён при штилевой погоде за два с половиной часа. Максимальная скорость, зафиксированная на данном участке, также составила 8 км/час.

* * *

Наблюдения за «поведением» лодок, осуществлённые в процессе переходов, позволили сделать несколько выводов, важных для практики хождения по Белому морю на столь мелких и хрупких судах:

- 1) берестяная лодка и долблёнка устойчивы при условии, что сидения для гребцов и пассажиров находятся на уровне ватерлинии (чем ниже сиденья, тем устойчивей лодки). Степень устойчивости напрямую зависит также от общего веса гребцов и груза (чем больше вес, тем устойчивее лодки);
- 2) скорость движения зависит от нескольких обстоятельств. Максимальную скорость (6–8 км/час) лодки достигали при движении в русле магистрального течения, минимальная (1,5–2 км/час) была зафиксирована при движении против течения и ветра в проливе между островами Русский и Немецкий Кузова. Средняя скорость составила 3–4 км/час;
- 3) при движении по морю в условиях часто меняющегося ветра (прежде всего между островами) необходимо использовать разные способы гребли на долблёнке: парами вёсел при попутном или встречном ветре, тремя (или даже четырьмя) вёслами против одного при боковом ветре, всеми пятью вёслами с одного борта при сильных порывах бокового ветра;

- 4) для выдерживания заданного курса на тяжёлой лодке-долблёнке, в отличие от лёгкой каркасной лодки, необходимо **постоянно** работать рулевым веслом, а также контролировать и регулировать работу гребцов;
- 5) и «берестянка» и лодка-долблёнка «прорезают» встречную волну, бортовая волна до 50 см высотой поднимает и опускает их, при встрече с волной «в скулу» в лодки попадает небольшое количество воды;
- 6) благодаря пропитке днища и бортов еловой смолой и тюленьим жиром лодки пропускают незначительное количество воды («берестянка») либо не пропускают воду вовсе; попасть в долблёнку она может только через борта;
- 7) на берестяной лодке длиной 5,5 м могли ходить по 3–4 человека, на долблёнке длиной 8 м – до 12 человек.

* * *

Таким образом эксперименты, осуществлённые Соловецким музеем-заповедником, мастерами А. В. Шутихиным и А. А. Казаковым, а также рабочей группой и экипажами, доказали **возможность** строительства каркасных берестяных лодок и лодок-долблёнок и плавания на них по Белому морю в любую из исследуемых археологами Севера эпох. Они также подтверждают достоверность изображений двух видов лодок в петроглифах Залавруги (выполнены в технике сплошной и контурной выбивки) и правомерность их интерпретации как каркасных и долблёных. В качестве доказательств исторического **факта** существования такой практики в древности могут служить лишь непосредственные археологические источники – фрагменты берестяных лодок и деревянных долблёнок, связанные с первобытными стоянками и, возможно, территориями, прилегающими к ним (например, болото, примыкающее к террасе, на которой находятся шесть древних стоянок, обозначенных названиями «Соловецкая-4, 5, 6, 13, 15, 21»). Учитывая незначительную раскопанную площадь памятников (не более 10 % от общей площади культурного слоя первобытных стоянок Беломорья), можно надеяться, что такие источники появятся в процессе будущих стационарных работ. Что касается лодок с балансирами и парусами, катамаранов и иных «маломерных» судов, то возможность их использования на Белом море также нужно проверить экспериментально. Кожаная лодка построена, и её испытание в условиях Белого моря запланировано осуществить в мае 2012 года.

* * *

В процессе изучения «домонастырского» прошлого Соловков большинство исследователей ограничились описанием и интерпретацией каменных сложений. Благодаря легкомысленному отношению и к источникам, и к истории в целом, популяризаторы разнесли по сотням страниц своих публикаций совершенно бездоказательные «гипотезы» и «выводы» о времени, авторстве и назначении лабиринтов и «святилищ». Никто при этом не вспоминает, что в действительности данные памятники **не дают ответа ни на один вопрос**, связанный с первобытным освоением островов Белого моря. А вопросов много. Когда и почему были открыты впервые беломорские (и Соловецкие, конечно) острова? Кто и откуда «ходил» на них, и как долго это продолжалось в древности? Как, на каких «судах» они добирались до островов? Где, в каких местах современных Соловков проживали древние островитяне? Только летом

или круглый год? Какими были их поселения, и что сохранилось от них до настоящего времени? Чем они занимались, какими способами добывали себе пропитание на разных этапах древнего освоения островов? Откуда брали каменное сырьё для орудий труда и глину для посуды? Какой была техника изготовления каменного инвентаря? Чем различались их «глиняные горшки» в разные эпохи? Какие из поколений первобытных «соловчан» сложили загадочные лабиринты и всевозможные каменные выкладки не всегда понятного назначения? И т. д. и т. п.

Как выяснилось в ходе наших работ, ответы на них дают другие памятники – затерявшиеся в лесах и скрытые под тундровыми лишайниками **первобытные стоянки и мастерские**. Если лабиринты по-прежнему остаются загадкой для всех, то поселения и артефакты, как видите, способны вполне достоверно рассказать нам о первобытном прошлом знаменитых архипелагов.

Литература:

1. Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР // Свод археологических источников. Вып. В-4. – М.: Наука, 1966.
2. Виноградов Н. Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // Материалы СОК. Выпуск VII. Соловки, 1927.
3. Виноградов Н. Н. Новые лабиринты Соловецкого архипелага // Материалы Соловецкого общества краеведения. Выпуск XII. Соловки, 1927.
4. Гурина Н. Н. Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. – 1948. – № 10. – С. 125–142.
5. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА, 1956.
6. Демидов И. Н. История развития ландшафтного заказника «Кузова» на Белом море в поздне- и послеледниковье // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.
7. Жульников А. М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2006.
8. Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
9. Кодола О. Е., Сочеванов В. Н. Путь лабиринта. СПб, 2003.
10. Колосова Г. Н., Новиков В. С. Краткая физико-географическая характеристика острова Большая Муксалма // Соловецкие острова. Большая Муксалма. М., 1996.
11. Косменко М. Г. Генезис и хронология культурных формирований эпохи железа в юго-западной и северной Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
12. Куратов А. А. Отчёт о работе археологической экспедиции АОКМ и АГПИ им. М. В. Ломоносова в 1969 году // Архив АОКМ. 462а.
13. Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы. Опыт классификации // СА. – № 1. – 1970.

14. Куратов А. А. Каменные лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973.
15. Куратов А. А. К вопросу об иррациональном назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Вопросы советского финно-угроведения. XV Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1974.
16. Куратов А. А. Соловецкие лабиринты – древние памятники культуры Северной Европы // Культура Русского Севера. Л., 1988.
17. Манюхин И. С., Лобанова Н. В. Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.
18. Мартынов А. Я. О некоторых проблемах Соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
19. Мартынов А. Я. Первобытные стоянки архипелага Кузова в Белом море // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1995.
20. Мартынов А. Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. III тысячелетие до н. э. – XV век. Архангельск – Соловки, 2002
21. Мартынов А. Я. Первобытное археологическое прошлое островов Белого моря: итоги и проблемы изучения // Вестник Поморского университета. № 1 (5). Архангельск, 2004.
22. Мартынов А. Я. Древними тропами Соловецких островов. М., 2006.
23. Мартынов А. Я. О начале северного мореплавания (по археологическим источникам) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007.
24. Мартынов А. Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010.
25. Огороков А. В. Якоря корабельные. М., 1986.
26. Равдоникас В. И. Неолитический могильник на Онежском озере // СА. – 1940. – № 6.
27. Рева К. П. О раскопках в 1907 году // ОАК за 1907 г.
28. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники р. Выг. Ч. 1. Петроглифы. – Л.: «Наука», 1970.
29. Скворцов А. П. Сколько памятников на Соловках? // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990.
30. Хеладзе И. Краткий очерк геологического строения Соловецких островов // Материалы СОАОК. – 1926. – Выпуск 1.
31. Шварцман Ю. Г., Болотов И. Н. и др. Природная среда Соловецкого архипелага в условиях меняющегося климата. Екатеринбург, 2007.

Рецензент – А. А. Куратов,
кандидат исторических наук, профессор